

Елагина Александра

г. Санкт-Петербург, Гимназия № 52 Приморского района, 10 «А» класс

«В мёртвом доме не рождаются...»

Рецензия на спектакль «Сцены из мёртвого дома»,

проект Экспериментальная сцена. Плюс», театр – фестиваль

«Балтийский Дом», Санкт-Петербург

Режиссёр - Рача Махатаев

Что такое человек? А что такое тёмная и светлая сторона человека? Быть может, пресловутой светлой стороны и не существует на деле, есть только иллюзия, мираж? Вы уверены в том, что вы хороший человек? А в том, что напротив вас сидящий — вор и убийца, заслуживающий казни и никакой пощады? Мы все точно хорошие или плохие? Это ведь так обтекаемо, так непостоянно и преходяще. Я — хороший человек для себя, а для остальных я — преступник и развратник. Я — ужасный человек в своём критическом сознании, а для остальных я — идеал. Где же настоящие мы? Как определить, достоин ли я/он/она/они/мы сожаления? Где та грань, где выявляются наши настоящие качества без прикрас и грима, как понять, какой я человек? Нравственные ограничители, красные флаги и моральные принципы у всех разные, так как же тогда понять, для кого и каким я буду человеком? И нужно ли это вообще? Каков человек в тех условиях, которые ставит ему жизнь, и как он будет на них реагировать без мысли о том, "что подумает общество"?

Написать много не смогу, поскольку помню мало и оттого ещё легче выделить самое запоминающееся, а следовательно, самое главное. Посему - повествование одними урывками. Сам человек раскрывается в спектакле "Сцены из мёртвого дома" режиссёра Рачи Махатаева по автобиографической повести Ф. М. Достоевского Ф.М. «Записки из мёртвого дома», а точнее, его нутро. Самая грязь человечества, казалось, собралась на этой каторге, где нет ничего святого. Кажется, что из всех героев самая человечная и живая только собака. Даже главный герой не

кажется таким святошей, как могло бы быть. На сцене - голая пустошь, обрывки кожи животных с мехом, грязные лоскуты одежд, полуразбитое корыто, ящики, на которых сидят герои спиной к зрителям (и именно эту картину - сгорбленные фигуры людей в тумане, сидящих в нищих обрывках - видит зритель, заходя в зал) собачья будка и море тёмного бурого цвета, цвета грязной пустыни, цвета убитых бурых зверей. Все персонажи - в оборванных грязных лохмотьях, которые трудно даже одеждой толком назвать, на полу ползает в шкуре животных грязная женщина будто бы заправляющая этим местом богиня. Падшая. Она же потом превращается и в собаку Шарика, и в тюремную проститутку, и в мать, и в любящую женщину. Эта сущность – свет, любовь, женское сострадание и добро. Она же на протяжении всего спектакля фоном поёт народные глубинные песни, как Русь-матушка, как Мать-земля. Рассказчик, главный герой - Александр Петрович Горянчиков, сосланный за убийство своей жены, выползает из-под этих самых жутковатых шкур, дрожащий от страха и шокированный своим нынешним положением, и почти все действие спектакля сидит в углу сцены в ящике. Запертый в своих неуверенностях, страхах перед этими настоящими разбойниками и убийцами, скованный осознанием того, что ему придётся долгие лета провести здесь в одиночестве. Каждый артист играет двух персонажей, радикально отличающихся друг от друга. Например, Алексей Кормилкин играет и детоубийцу Газина и убогого Сироткина. Лишь, сидящий с хлыстом в обнимку в левом углу майор (Сергей Андрейчук) остаётся неизменен.

Одна из самых первых сцен в спектакле - Хмара (Алла Еминцева) обмазывает каждого заключённого острога глиной, такая дорога, путь, этап в острог. Некий ритуал посвящения в рыцарей преисподней, который плавно перетекает в рассказ о распорядке дня и ужасающих традициях, которые заправляют в этом месте. Хотя это можно трактовать и как "омертвление живого" (любимый приём Н.В.Гоголя, к слову, а Достоевского во время его первого дебюта романа "Бедные люди" Н. А. Некрасов назвал "Новым

Гоголем") - ещё пока что живые головы и лица людей превращаются в застывшую маску, в окаменелость. Однако она не блокирует всю человечность - искренность и совесть смогут помочь очиститься, помочь не терять человека в адских условиях труда. На остроге же работы- и какие! Ничуть не лучше, чем мерзкие условия содержания заключённых в душных, грязных и мелких камерах с постоянным запахом перегара в воздухе. Из этого ада невозможно выбраться, потому что этот ад – везде. Эта цикличность мучений решена как круговое движение, точильный круг, который двигают сами же заключённые, а в центре находится Горянчиков, на которого набрасывают тряпья, шкуры и ошмётки.

В спектакле использована реальная запись разговора между артистом (Юрием Елагиным) и бывшим заключённым - факт того, что весь этот ад и бесы, заключённые в этом аду, существуют и по сей день. Если прислушаться к разговору, можно услышать реальные рассказы реального человека об условиях содержания на каторжных работах, о распорядке дня, о людях-сотоварищах по заключению, о переживаниях и эмоциях перед и после высвобождения из заключения. Честно - от мысли о том, что все это действительно существует, по спине пробегает щекотливый холодок, скорее ужасающий от осознания, чем от неожиданности или чего ещё.

Эти люди верят в чудо и во что-то святое только на Рождество - такое ощущение, что в них рождается что-то новое, светлое, с большими хорошими надеждами на исправленное будущее, рождается что-то такое, ради чего они и сами готовы измениться - но это "что-то" умирает ещё в зародыше от пьянства, разгула и беззаботности человека. Рождество для них особое, как заявляют сами заключённые не без ложной скромности, но действительно ли это так? Может, просто отличное самооправдание для очередного кутежа, только "официального"? Рождество решено как беззаботная игра в снежки, как в детстве, когда каторжники ещё были невинны и абсолютно чисты, как и все дети. Рождество – кульминация всего

спектакля, когда перед нами предстают не убийцы и не воры – а обычные люди, не повзрослевшие дети, которых посадили в неволю.

Весь спектакль - исповедь (ведь рассказ о своих злодеяниях тоже своеобразная исповедь: открыть свою душу другому человеку не так уж и просто), исповедь о своём прошлом и нежелании оставаться в остроге. Но что нужно для этого сделать? Глядя на эту исповедь, можно взглянуть на себя и поразмышлять - а не так же ли я себя веду? А не знакома ли мне эта ситуация и эти эмоции? А может, я сам такой? Даже, казалось бы, самый безобидный и милый Горянчикову молодой мальчик Алей (Роман Дряблов) после прочтения Нагорной проповеди и искренних слёз: «Прощай, люби, не обижай и врагов люби. Ах, как он хорошо говорит...!» в финале таки сдирает с бедной собаки Шарика шкуру, чтоб удобнее было спать. Вот так и бывает в жизни - смотришь на человека, говоришь с ним, учишь его, понимаешь что он, в сущности, не такой уж злодей и вообще невысказано, что он попал в такое жуткое место, а потом раз! - и рушится все от одного поступка, который мигом выдаёт всю истинную сущность человека.

Нам всем полезно иногда взглянуть на себя со стороны - взглянуть в глаза нашим порокам, нашим грехам, нашим самым грязным и низшим проявлениям, шаткости своей души. В Мёртвом Доме не рождаются, в Мёртвый Дом мы сами себя заключаем - в это место самых худших качеств человеческой души, в это, порою, суровое отражение действительности времени. Однако добродетели - любовь, надежда, вера, справедливость, сострадание, доброта - могут сделать мир и нас самих чуточку чище, лучше, светлее. И ближнему своему можем помочь сбежать оттуда. Легче подписать себе приговор о смертной казни, легче признать свою порочность и смириться с этим, помогать ей прорасти, чем воспротивиться и попытаться выбраться из петли, преодолеть себя и попытаться искупить вину. Так банально, но так правдиво. И тогда, быть может, мы, наконец, выберемся из Мёртвого Дома?